18+

АЛЕКСАНДР ОСИПОВ

БИЛЕТ В ОДИН НОЯБРЬ

Александр Осипов

Билет в один ноябрь

«Издательские решения»

Осипов А. Н.

Билет в один ноябрь / А. Н. Осипов — «Издательские решения»,

Первый ноябрьский снег в Петербурге перечёркивает тридцать лет разлуки. Для инженера Андрея и редактора из Краснодара Ирины эта осень должна была остаться обычной: у каждого за плечами больше двадцати лет спокойного брака и взрослые дети. Но случайная встреча на крыльце университета возвращает их в юность, где одно прощальное письмо развело их по разным берегам. Теперь правда открылась — вот только их дети, Кирилл и Даша, любят друг друга и собираются познакомить родителей.

© Осипов А. Н.
© Издательские решения

Содержание

АЛЕКСАНДР ОСИПОВ 6
Аннотация 7
ЧАСТЬ I. ПЕРВЫЙ СНЕГ НА СТАРЫЕ СЛЕДЫ 8
Глава 1. Петербургский ноябрь 8
Глава 2. Краснодарское солнце и билет на север 11
Глава 3. Город у Цемесской бухты 13
Глава 4. Столкновение на крыльце 15
Глава 5. Кофейня на Васильевском острове 17
Глава 6. Неожиданная нить 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Билет в один ноябрь

Александр Николаевич Осипов

© Александр Николаевич Осипов, 2026

ISBN 978-5-0071-7959-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР ОСИПОВ
БИЛЕТ В ОДИН НОЯБРЬ
Роман

2026

Аннотация

Первый ноябрьский снег в Петербурге всегда приходит внезапно. Для сорокадевятилетнего инженера-мостостроителя Андрея Соколова и редактора из Краснодара Ирины Лавровой эта осень должна была остаться самой обычной: у каждого за плечами больше двадцати лет спокойного, порядочного брака, взрослые дети и привычный, выверенный до мелочей уклад.

Но случайная встреча на заснеженном крыльце университетского корпуса на Васильевском острове в одну секунду перечёркивает тридцать лет разлуки. Когда-то в Новороссийске конца восьмидесятых они были друг для друга всем миром, пока одно короткое письмо перед самым отъездом не развело их по разным берегам. Лишь спустя три десятилетия открывается истинная причина того прощания — и кажется, что судьба наконец вернула им право на разговор по душам.

Вот только у этой истории есть продолжение, о котором не подозревает никто из них: их дети, Кирилл и Даша, любят друг друга и собираются познакомить родителей.

«Билет в один ноябрь» — тонкий психологический роман о цене несказанных слов, о взрослой ответственности за чужое счастье и о том, как правда, сказанная вовремя, способна не разрушить два дома, а соединить два далёких берега в одну семью.

ЧАСТЬ I. ПЕРВЫЙ СНЕГ НА СТАРЫЕ СЛЕДЫ

Глава 1. Петербургский ноябрь

Первый снег в Петербурге всегда приходит без предупреждения — не как зимний праздник, а как тихое, почти виноватое признание города в том, что осень закончилась. Андрей Соколов проснулся за десять минут до будильника, в половине седьмого, и ещё долго лежал с открытыми глазами, глядя на высокий лепной потолок. За тёмным прямоугольником окна медленно, наискось тянулись редкие белые хлопья. Они не успевали лечь на чёрный асфальт набережной Фонтанки — таяли на лету, оставляя на стекле мелкие водяные дорожки, в которых дрожали жёлтые огни уличных фонарей.

В квартире стояла та особая утренняя тишина, по которой безошибочно угадываешь: в этом доме давно никто никуда не спешит и никто ни с кем не спорит. На соседней половине широкой кровати ровно, почти неслышно дышала Марина. Она спала на боку, аккуратно подложив ладонь под щеку — даже во сне в ней сохранялась эта привычная собранность детского врача, привыкшего к ночным дежурствам и чужим тревогам. Двадцать два года назад Андрей влюбился именно в эту её спокойную, надёжную тишину. Тогда, после шумных девяностых, после коммуналок, безденежья и вечного ощущения, что почва уходит из-под ног, рядом с Мариной впервые стало тепло и безопасно.

Их брак не рухнул и не треснул — он просто застыл, как осенняя вода у гранитного берега. В нём не было ни измен, ни громких ссор, ни взаимных упрёков. Были общие привычки, вежливые вопросы за ужином о том, как прошёл день в проектном бюро и много ли вызовов было в поликлинике, поездки в Карелию по выходным и тихая, обоюдная бережность, за которой оба давно перестали замечать, что говорят друг с другом как давние, добрые попутчики в одном купе.

Андрей осторожно, стараясь не скрипнуть паркетом, поднялся, накинул тёмно-синий шерстяной кардиган и прошёл на кухню. В сорок девять лет утро начинается не с планов на покорение мира, а с привычных ритуалов. Он поставил на плиту старую медную турку, достал из шкафчика банку молотого кофе, отмерил две ложки с горкой. Пока вода медленно нагревалась, Андрей подошёл к окну и прислонился лбом к прохладному стеклу.

Снег за окном пошёл гуще. Крупные влажные хлопья уже цеплялись за чугунную решётку набережной, ложились на крыши припаркованных машин, белили тёмную воду канала. И вдруг, глядя на эту мокрую петербургскую белизну, Андрей поймал себя на странном, почти физическом ощущении — словно откуда-то из глубины памяти дохнуло совсем другим воздухом: тёплым, солёным, пахнущим нагретым известняком, кипарисами и утренним прибоем.

Новороссийск. Конец восьмидесятых. Набережная Адмирала Серебрякова, где ветер с Маркотхского хребта всегда трепал полы лёгких ветровок, а солнце в ноябре ещё грело так, что можно было сидеть на деревянной скамье у самого парапета без шапки. Андрей усмехнулся сам себе, покачал головой и вернулся к плите как раз вовремя, чтобы снять турку до того, как кофейная шапка перельётся через край. Он не вспоминал ту жизнь годами — вернее, старался не вспоминать. Когда тебе двадцать пять, тридцать, сорок, ты строишь карьеру, защищаешь проекты мостов и путепроводов, покупаешь первую квартиру, возишь сына на секции, и прошлое кажется просто старой фотографией в картонной коробке на антресолях: красивой, но не имеющей никакого отношения к сегодняшнему дню. А потом наступает рубеж, когда главное в жизни вроде бы уже построено, сын вырос, работа идёт по накатанной колее — и вдруг

в тишине ноябрьского утра с пугающей ясностью понимаешь, что всё это время жил словно вполголоса.

В коридоре щёлкнул выключатель, послышались быстрые шаги — из своей комнаты вышел Кирилл. Двадцать лет, высокий, широкоплечий, с тем же упрямым разлётом бровей, что был у самого Андрея в юности, только взгляд открытый, не знающий ещё ни оглядки, ни осторожности.

— О, пап, ты уже на ногах? — Кирилл заглянул на кухню, на ходу застёгивая манжеты рубашки. — Там на улице зима началась, видел? А я летние кроссовки так и не убрал.

— Видел, — улыбнулся Андрей, разливая кофе по чашкам. — Будешь завтракать? Я яичницу сделаю, пять минут.

— Не, пап, спасибо, я только кофе глотну и побегу. У нас первая пара у Строганова, он за опоздание сразу на отработку отправляет. — Кирилл взял чашку, прислонился к косяку, сделал осторожный глоток и вдруг как-то по-особенному, чуть смущённо улыбнулся, глядя в окно. — Слушай, пап… я, наверное, сегодня вечером позже приду. Не ждите меня к ужину.

Андрей посмотрел на сына внимательнее. В этом «не ждите к ужину» и в том, как у двадцатилетнего парня вдруг потеплели глаза, угадывалось безошибочно знакомое состояние.

— Девушка? — негромко спросил Андрей, без всякого родительского допроса, просто по-мужски.

Кирилл чуть покраснел, но отводить взгляд не стал:

— Да. С нашего факультета, со второго курса. Даша. Она из Краснодара приехала поступать, в общежитии на Васильевском живёт. Понимаешь, пап… она совсем другая. Не такая, как все наши. Тихая, умная, читает постоянно. Мы вчера после пар два часа по набережной шли, замёрзли как собаки, а разойтись не могли.

Что-то внутри у Андрея едва заметно дрогнуло — будто кто-то тихо тронул струну, о которой он забыл тридцать лет назад. «Два часа по набережной шли и разойтись не могли…»

— Это хорошо, Кирилл, — тихо сказал Андрей. — Когда разойтись не можешь — это, наверное, самое настоящее и есть. Только куртку тёплую надень, на Васильевском сегодня ветер с залива продует насквозь.

— Надену, пап, обещаю. Всё, я побежал!

Хлопнула входная дверь. На кухню вышла Марина в аккуратном домашнем халате, поправила волосы, взглянула на часы над дверью:

— Кирилл уже убежал? Опять без завтрака… Ты ему сказал, чтобы шапку взял? Ноябрь, а он всё как в августе ходит.

— Сказал, Марин. Взрослый уже парень, разберётся.

Марина кивнула, налила себе чай, села напротив Андрея. Несколько минут они сидели молча — под тихий стук мокрого снега в оконное стекло.

— Ты сегодня во сколько вернёшься? — спросила она привычным ровным голосом. — Я хотела вечером зайти в аптеку и заехать к маме на полчаса.

— Как обычно, к семи. Если нужно, я сам к твоей маме заеду после работы, чего тебе по такой погоде мотаться.

— Спасибо, Андрюш. Я сама, мне по пути.

Они ещё немного поговорили о каких-то мелких, совершенно необходимых бытовых вещах — о том, что пора переобуть машину на зимнюю резину и что в субботу нужно забрать из химчистки пальто. Всё было правильно, спокойно, по-человечески. Но когда Андрей вышел из парадной под густой, холодный петербургский снег и сел за руль, он вдруг поймал себя на мысли, что больше всего на свете сейчас хочет просто закрыть глаза и услышать, как шумит тёплое южное море у белых камней Новороссийска.

Он ещё не знал, что ровно в эту же минуту в тысяче семистах километрах к югу, в залитом утренним солнцем Краснодаре, женщина, чей голос он помнил всю жизнь, кладёт в дорожную

сумку томик стихов и распечатанный электронный билет на утренний рейс до Санкт-Петербурга.

Глава 2. Краснодарское солнце и билет на север

В Краснодаре ноябрь не умеет быть серым. Даже когда календарь упрямо переворачивает листы к зиме, южный город до последнего держится за тепло: по утрам над Кубанью стелется прозрачный, пахнущий мокрой листвой туман, а к полудню солнце всё равно пробивается сквозь лёгкую дымку, золотит резные балконы на улице Красной и греет скамейки в скверах так, что плащ приходится расстегивать.

Ирина Лаврова шла по аллее вдоль платанов медленно, не глядя на часы — впервые за всю неделю никуда не торопясь. В сумке лежали две свежие корректуры университетского сборника, связка ключей от квартиры и бумажный пакетик с горячими жареными каштанами, который она купила на углу просто потому, что не смогла пройти мимо знакомого с детства запаха.

В сорок восемь лет Ирина выглядела так, как выглядят женщины, привыкшие больше слушать, чем говорить о себе: стройная, с мягкой, чуть задумчивой улыбкой, в тёмно-бежевом кашемировом пальто и лёгком шёлковом шарфе, небрежно перекинутом через плечо. В её тёмных глазах, в уголках которых уже собрались тонкие лучики морщинок, жила та редкая внутренняя тишина, за которую её любили студенты и коллеги по редакции. Никто из них не догадывался, что за этой спокойной, ровной приветливостью скрывается давняя, годами выношенная усталость.

Ирина свернула в тихий зелёный двор старого кирпичного дома недалеко от центра, поднялась на третий этаж и открыла дверь. В прихожей пахло свежей краской и мужским одеколоном — Олег вернулся со стройки раньше обычного.

— Ир, ты? — раздался из кухни его густой, уверенный голос. — А я как раз думаю, где ты пропадаешь. Заходи скорее, я тут форель привёз из Горячего Ключа, сейчас на сковородку кину.

Олег вышел в коридор — крепкий, широкоплечий, с открытым загорелым лицом человека, привыкшего решать любые вопросы быстро и по-деловому. За двадцать три года их брака он ни разу не дал Ирине повода усомниться в своей надёжности: построил дом, вытянул небольшую строительную фирму в тяжёлые годы, всегда помнил, когда нужно поменять резину на её машине и какие витамины купить к весне. Он обнял жену за плечи, по-хозяйски чмокнул в висок и тут же переключился на дела:

— Слушай, у меня завтра с утра совещание в администрации по объекту на Западном обходе, могу задержаться до темноты. Ты не забудь, пожалуйста, позвонить мастеру по котлу, пусть придёт давление проверит до холодов.

— Хорошо, Олеж, позвоню с утра, — мягко ответила Ирина, снимая пальто и вешая его на плечики.

Она смотрела, как муж с увлечением рассказывает про поставки кирпича и бетона, и ловила себя на привычном, немного горьком чувстве: рядом с ней хороший, порядочный человек, с которым можно прожить ещё двадцать лет без единой бури — и ни разу за эти двадцать лет не поговорить о том, о чём по-настоящему болит душа. Когда Ирина пыталась поделиться с Олегом прочитанной книгой, мыслями о Даше или тем странным ноябрьским беспокойством, которое накатывало на неё каждую осень, он добродушно улыбался, гладил её по руке и говорил: «Ирусь, ну ты опять себе надумываешь, всё же у нас слава богу, живи и радуйся». И она жила. Учила студентов чувствовать слово, редактировала чужие рукописи, пекла по воскресеньям пироги с айвой и научилась прятать собственную тишину так глубоко, что почти перестала её замечать.

За ужином зазвонил телефон. На экране высветилось: «Дашуля». Ирина сразу улыбнулась и нажала кнопку ответа:

— Привет, моё солнце! Как ты там, не замёрзла? У нас сегодня плюс шестнадцать, представляешь?

В трубке послышался тихий вздох, шум ветра и далёкий гул машин:

— Привет, мам… А у нас тут сегодня первый снег пошёл. Мокрый такой, противный, под ногами каша, ветер с Невы сбивает с ног. Я из корпуса до общежития добежала — вся промокла.

Ирина уловила в голосе дочери ту самую тонкую нотку, которую любая мать слышит за тысячу километров: за жалобой на мокрый снег пряталась тоска по дому, усталость второго курса и приближающаяся зимняя сессия.

— Дашенька, ты шарф тёплый достала? Сапоги не промокают?

— Достала, мам, не переживай. Просто… знаешь, так домой захотелось, ужас. Каштанов бы сейчас на Красной поесть или на море съездить.

Сердце у Ирины сжалось. Она посмотрела на пакет с каштанами, лежавший на краю стола, потом перевела взгляд на застекленную лоджию, за которой в тёплых южных сумерках светились окна соседних домов.

— А знаешь что, Даш? — неожиданно для самой себя сказала Ирина. — У меня же с пятницы четыре дня отгулов за переработку накопилось. Давай я к тебе прилечу? Прямо завтра вечером или в пятницу утром. Привезу тебе домашних пирогов, хурмы, чурчхелы, погуляем по Невскому, посидим в какой-нибудь тёплой кофейне.

На том конце провода на секунду повисла тишина, а потом голос Даши зазвенел так счастливо, что у Ирины сразу потеплело на душе:

— Мам, ты серьёзно?! Правда прилетишь?! Ой, как здорово! У меня как раз в пятницу всего две пары, я тебя встречу!

Когда разговор закончился, Олег отложил вилку и удивлённо посмотрел на жену:

— Ты чего это вдруг собралась на север? Погода там сейчас — мрак, слякоть одна. Может, лучше Дашке денег переведём, пусть с девчонками в кафе сходит?

— Не всё деньгами лечится, Олеж, — тихо улыбнулась Ирина. — Ей просто мама сейчас нужна. На три дня всего, в понедельник вечером я уже вернусь.

Поздним вечером, когда Олег уже уснул, Ирина открыла ноутбук на кухне, зашла на сайт авиакомпании и нажала кнопку оплаты. На экран вылетела маршрутная квитанция: вылет из Краснодара в пятницу утром, прилёт в Пулково в полдень. Она распечатала лист на домашнем принтере, аккуратно сложила его вчетверо и положила в паспорт.

Простой белый листок с чёрными строчками рейса — билет в один ноябрь, который через сутки перевернёт всё, что она считала навсегда решённым.

Глава 3. Город у Цемесской бухты

Летом восемьдесят восьмого года Новороссийск пах солью, нагретым белым мергелем и спелым инжиром, свешивающимся через старые каменные заборы в тихих переулках над бухтой. Ветер с Маркотхского хребта здесь никогда не утихал до конца — даже в самые жаркие июльские вечера он приносил с гор сухой аромат чабреца и полыни, смешивал его с тяжёлым морским дыханием Цемесской бухты, и в этом воздухе семнадцатилетним казалось, что жизнь устроена просто, ясно и навсегда.

Андрей Соколов в ту пору был высоким, худощавым десятиклассником с выгоревшими на южном солнце вихрами и вечно поцарапанными костяшками пальцев — после уроков он пропадал в судомодельном кружке при Доме пионеров или на бетонных плитах мола, где местные мальчишки часами ныряли в прозрачную зелёную воду. Он собирался поступать в Ленинград, в кораблестроительный, чертил по вечерам на кухонном столе кривые шпангоуты и был твёрдо уверен, что главное в жизни человека — построить что-нибудь большое, настоящее, такое, что переживёт века.

Ирина Лаврова появилась в их классе в начале десятого — её отца, флотского инженера, перевели в Новороссийск из Севастополя. Она вошла в класс в первый сентябрьский день в светлом ситцевом платье с белым воротничком, чуть смущённая, с толстой тёмной косой, перекинутой на плечо, и спокойными, внимательными глазами, в которых сразу угадывалась привычка много читать и мало суетиться.

Первые полгода они почти не разговаривали — только переглядывались через ряд парт на уроках литературы, когда старая учительница Лидия Ивановна, поправляя роговые очки, просила Ирину прочесть вслух стихи или отрывок из тургеневской прозы. У Ирины был удивительный голос — негромкий, грудной, без всякой школьной декламации, от которого в шумном десятом «Б» мгновенно стихали даже самые отчаянные хулиганы на камчатке.

А в апреле восемьдесят восьмого года, когда на набережной Адмирала Серебрякова зацвели первые каштаны и миндаль, они столкнулись в городской библиотеке у полки с технической периодикой и русской классикой — стеллажи стояли вплотную друг к другу. Ирина тянулась за томиком Паустовского на верхней полке, не удержала равновесие, и тяжёлый переплёт едва не упал ей на голову — Андрей успел перехватить книгу в воздухе.

— Осторожнее, — улыбнулся он, глядя на неё сверху вниз. — Классика — вещь тяжёлая, особенно в твёрдом переплёте.

Ирина подняла на него глаза, чуть порозовела и ответила так серьёзно, что он запомнил эту фразу на всю жизнь:

— Настоящие книги и должны быть тяжёлыми, Андрей. Иначе их ветром унесёт.

С того апрельского дня они больше не расставались. Их маршруты по Новороссийску скоро знали все продавщицы газировки на набережной и старый лодочник у яхт-клуба. После уроков они шли вдоль самого берега — от морского вокзала мимо памятника Неизвестному матросу до самой Суджукской косы, где галька шуршала под ногами, как пересыпаемый в ладонях сухой горох. Андрей рассказывал ей про разводные мосты Ленинграда, про белые ночи и про то, как однажды построит корабль или мост, по которому будут ходить поезда. Ирина слушала, заправив за ухо выбившуюся из косы прядь, щурилась от солнечных бликов на воде и говорила, что обязательно поедет с ним — поступит на филфак Ленинградского университета, будет работать в издательстве и редактировать самые лучшие книги на свете.

В августе, перед самым началом выпускного класса, они вдвоём выбрались на рассвете на старый мол у входа в порт. Город за спиной ещё спал в сизой предрассветной дымке, над Маркотхским хребтом только-только начинала розоветь тонкая полоска неба, а в бухте тихо поскрипывали якорные цепи стоявших на рейде сухогрузов. Ирина сидела на тёплом бетонном

парапете, подтянув колени к подбородку и накинув на плечи Андреевскую олимпийку — ту самую, тёмно-синюю, с белыми полосами на рукавах, которая была ей велика на два размера.

Андрей стоял рядом, облокотившись о парапет, и смотрел не на море, а на её профиль, освещённый первым утренним лучом.

— Ир, — негромко сказал он, и голос его вдруг дрогнул от непривычной, взрослой серьёзности. — Что бы ни случилось после школы… куда бы нас ни разбросало… ты ведь не потеряешься?

Ирина повернула к нему лицо, положила прохладную ладонь поверх его пальцев, лежавших на бетоне, и посмотрела прямо в глаза:

— Как я могу потеряться, Андрюш, если ты теперь мой главный берег? Куда ты — туда и я. Только не торопи время, ладно? У нас впереди ещё целый год, целый выпускной и целая жизнь.

Когда из-за гор выкатилось огромное, слепящее южное солнце и залило золотом всю Цемесскую бухту, Андрей впервые осторожно, словно боясь спугнуть это хрупкое утро, наклонился и поцеловал её в тёплую, пахнущую морем и солью щеку, а потом в губы. Ирина не отстранилась — только тихо вздохнула и закрыла глаза, прижимаясь к его плечу. Им обоим тогда казалось, что так будет всегда: этот рассвет, этот солёный ветер, это простое и нерушимое обещание быть рядом.

Они не знали, что до самого трудного лета их жизни оставалось меньше десяти месяцев, и что судьба умеет разводить людей тихо — без грозы, без ссор, одним-единственным письмом, написанным из самой чистой и жертвенной любви.

Глава 4. Столкновение на крыльце

В пятницу после полудня Петербург накрыло густым, по-настоящему зимним снегопадом. Мокрые крупные хлопья летели почти горизонтально, гонимые колючим ветром с Финского залива, мгновенно облепляя плечи пальто, решётки фонарей и облупившуюся штукатурку старых домов на Васильевском острове.

Ирина вышла из такси у чугунных ворот университетского корпуса в половине четвёртого. В одной руке она держала зонт, который ветер тут же попытался вывернуть наизнанку, в другой — увесистую дорожную сумку с домашними пирогами с айвой, банкой абрикосового варенья и крупной, пахнущей южным солнцем хурмой. После утренних шестнадцати градусов тепла в Краснодаре петербургский ветер пробирал до костей, но Ирина только улыбнулась, глубже кутаясь в кашемировый шарф: через пять минут закончится последняя пара, выбежит Даша, и они поедут в маленькую гостиницу неподалёку пить горячий чай.

Она прошла через двор и остановилась под широким каменным козырьком главного подъезда, стряхивая с рукавов налипший снег. Тяжёлые дубовые двери распахнулись, выпуская первый шумный поток студентов — смеющихся, торопящихся, на ходу застёгивающих куртки и натянувших капюшоны. Ирина шагнула чуть в сторону, пропуская толпу и вглядываясь в лица.

Именно в эту секунду к крыльцу, прикрывая ладонью глаза от косого снега, быстрым шагом подошёл высокий мужчина в тёмно-синем драповом пальто. Он остановился у самой нижней ступеньки, достал телефон, бросил короткий взгляд на экран, а затем поднял голову — и его глаза встретились с глазами Ирины.

Снег за спиной продолжал падать, студенты всё так же гудели и спускались по гранитным ступеням, где-то на набережной глухо просигналила машина — но для двоих на этом крыльце звук словно выключили. Ирина стояла в полутора метрах от него, с дорожной сумкой в опущенной руке, и чувствовала, как сердце вдруг пропустило удар, а потом заколотилось часто-часто, совсем как тогда, в восемнадцать лет, у старой городской библиотеки в Новороссийске.

Первым изменился его взгляд — настороженная, взрослая сосредоточенность мгновенно растаяла, сменившись растерянным, почти детским изумлением. В уголках его серых глаз собрались знакомые морщинки, а губы тронула та самая неуверенная полуулыбка, которую она помнила тридцать лет.

— Ир?.. — тихо произнёс он, словно боясь, что если сказать громче, видение исчезнет вместе со снегом. — Ирина Лаврова?..

У неё перехватило дыхание от одного только тембра этого голоса — чуть глуховатого, спокойного, ничуть не постаревшего за три десятилетия.

— Андрей… — выдохнула она, делая крошечный шаг навстречу. — Соколов… Господи, неужели это ты?

Он поднялся на две ступеньки, остановился совсем рядом, не решаясь обнять — всё-таки взрослые люди, тридцать лет прошло, у каждого за плечами целая жизнь — и просто осторожно коснулся её локтя, будто проверяя, настоящая ли она.

— Ты откуда здесь, Ир? — в его голосе звучала такая неподдельная, светлая радость, что у Ирины мгновенно потеплели замёрзшие пальцы. — В Петербурге, в такой снегопад… Ты приехала к кому-то?

— К дочке, — улыбнулась Ирина, всё ещё не веря, что смотрит в те самые серые глаза, которые снились ей в первые годы после разлуки. — Она у меня здесь на втором курсе учится. Прилетела из Краснодара на выходные, гостинцы привезла. А ты… ты тоже здесь живёшь?

— С восемьдесят девятого года, Ир. Как уехал поступать, так и остался. — Андрей посмотрел на её сумку, потом на мокрый зонт, который она всё ещё сжимала в руке. — Давай я

хоть сумку возьму, у тебя же руки совсем замёрзли. Я за сыном заехал, у него сегодня практика в соседнем корпусе, но он мне только что написал, что задерживается на полтора часа — у них там лабораторная не сдана.

Он бережно перехватил ручки тяжёлой дорожной сумки, и от этого простого, привычного мужского жеста у Ирины внутри вдруг стало так спокойно и тепло, словно и не было этих тридцати долгих лет.

В этот момент у Ирины в кармане пальто коротко вибрировал телефон. Она достала его, взглянула на экран и тихо рассмеялась:

— Надо же, какое совпадение… И моя Даша пишет: «Мамочка, прости, пожалуйста, нас преподаватель задержал на консультации перед коллоквиумом, освобожусь только через час с лишним, подожди меня в тепле».

Андрей посмотрел на неё, потом на густую снежную пелену, затянувшую университетский двор, и улыбнулся уже совсем открыто — так, как улыбался когда-то на набережной у Цемесской бухты:

— Значит, у нас с тобой есть целый час с лишним, Ирина. И я категорически запрещаю тебе стоять на этом ветру. Тут в двух шагах, на углу Среднего проспекта, есть маленькая кофейня — там тихо, тепло и варят отличный кофе. Пойдём? Просто посидим и поговорим.

Ирина посмотрела на него, поправила выбившуюся из-под шарфа тёмную прядь волос и кивнула:

— Пойдём, Андрюш. Я, кажется, действительно ужасно замёрзла.

Они спустились с крыльца рядом — мужчина в тёмном пальто с южной дорожной сумкой в руке и женщина в бежевом кашемире, которой вдруг показалось, что петербургский ноябрь пахнет вовсе не мокрым снегом, а тёплым морским ветром из её семнадцати лет.

Глава 5. Кофейня на Васильевском острове

Маленькая кофейня на углу Среднего проспекта пряталась в полуподвале старого доходного дома за тяжёлой дубовой дверью с медным колокольчиком. Стоило переступить порог, как колючий петербургский ветер и мокрый снег остались где-то наверху, а навстречу дохнуло густым ароматом свежемолотой арабики, корицы и тёплой сдобы. Внутри было почти пусто — только в дальнем углу над конспектами склонился студент в наушниках да у окна тихо переговаривались две пожилые женщины.

Андрей выбрал столик у самой стены, подальше от двери, аккуратно поставил на свободный стул Иринину дорожную сумку и помог ей снять влажное от снега пальто. Когда он повесил верхнюю одежду на деревянную вешалку и сел напротив, на секунду между ними повисла та самая неловкая, осторожная пауза, которая всегда возникает между людьми, знавшими друг друга в юности и встретившимися через целую прожитую жизнь.

В свете тёплого настенного бра было видно, как изменились их лица: у Андрея на висках легла ранняя благородная седина, в резких складках у губ угадывалась привычка принимать сложные решения; у Ирины в глазах появилась та мягкая, чуть грустная глубина, какая бывает только у женщин, много любивших и много молчавших.

Но стоило ему улыбнуться и спросить: «Тебе всё так же с корицей и без сахара, Ир?» — как эти тридцать лет словно расступились. Ирина удивлённо приподняла брови и тихо рассмеялась:

— Ты даже это помнишь? В Новороссийске ведь тогда и кофеен-то таких не было — только тот крошечный буфет возле морского вокзала, где тётя Галя варила кофе в эмалированной кастрюльке и сыпала туда корицу из бумажного кулька.

— Разве такое забудешь, — негромко ответил Андрей, глядя на неё так внимательно, что Ирина вдруг поймала себя на желании поправить волосы, как девчонка. — Мы же там каждую субботу после библиотеки сидели. У нас на двоих было сорок копеек, и мы брали две чашки и одно пирожное «картошка» пополам.

Подошел официант, принял заказ, и через несколько минут на столе появились две дымящиеся керамические чашки и тарелка с горячими круассанами. Сначала они говорили осторожно, словно прощупывая тонкий ноябрьский лёд: рассказывали о работе, о городах, о том, как выросли дети. Андрей говорил о своём проектном бюро, о мостах и путепроводах, которые строит по всей стране, о сыне Кирилле, выбравшем инженерный факультет. Ирина — о редакции в Краснодаре, о студентах, которым преподаёт русскую литературу, и о дочке Даше, которая с детства бредила Петербургом и всё-таки поступила сюда на второй курс. О супругах оба упомянули вскользь, с тем ровным, порядочным уважением, за которым взрослые люди умеют прятать пустоту: «Жена врач, много работает», «Муж строитель, человек надёжный». Ни единой жалобы, ни единого упрёка в адрес тех, кто остался дома.

Но чем дольше длился разговор, тем быстрее таяла эта вежливая взрослая броня. Они вдруг начали перебивать друг друга, вспоминая смешные мелочи из десятого «Б»: как физрук заставлял весь класс бегать кросс вдоль берега по гальке, как на уроке литературы у Лидии Ивановны в окно влетел наглый портовый голубь, как осенью восемьдесят восьмого они всем классом ездили на автобусе в Абрау-Дюрсо и едва не опоздали на обратный рейс, потому что засиделись вдвоём на берегу озера.

— А помнишь старую синюю олимпийку, которую ты мне тогда на молу накинул на плечи? — тихо спросила Ирина, обхватив тёплую чашку ладонями. — Я ведь её потом ещё лет пять хранила в шкафу, даже когда в Краснодар переехала. Мама всё ругалась: «Ира, ну куда тебе эта мужская куртка, выкинь или отдай кому-нибудь», а я не могла.

Андрей замер с чашкой в руке. Взгляд его стал совсем серьёзным, глубоким, без тени прежней лёгкой улыбки.

— А я, Ир, твою закладку из того томика Паустовского до сих пор в рабочем блокноте ношу, — признался он негромко. — Помнишь, вышитую васильками? Ты мне её в мае восемьдесят девятого подарила, перед самыми выпускными экзаменами.

Ирина опустила глаза, чувствуя, как к горлу подступает тёплый, горьковатый ком. В маленькой кофейне тихо играло старое фортепиано из динамиков под потолком, за запотевшим окном всё так же кружил петербургский снег, а между ними над столом натянулась тонкая, звенящая нить — та самая, которую не смогли перерезать ни тысячи километров, ни три десятилетия чужой, взрослой жизни.

— Почему всё так вышло, Андрей?.. — едва слышно прошептала она, глядя на отражение лампы в тёмном кофе. — Мы ведь тогда… мы же правда думали, что это навсегда.

Андрей хотел ответить — уже открыл губы, чтобы сказать то, что носил в себе тридцать лет, — но в эту секунду у обоих на столе почти одновременно коротко звякнули телефоны.

Ирина вздрогнула, посмотрела на экран: «Мам, я освободилась, стою у метро „Василеостровская“, замёрзла ужасно!» А на экране у Андрея высветилось сообщение от сына: «Пап, я вышел из корпуса, всё сдал! Ты где?»

Они переглянулись. Оба посмотрели на настенные часы над барной стойкой — стрелки показывали без десяти шесть. Вместо пятнадцати минут они просидели здесь почти два часа, даже не заметив, как за окном совсем стемнело.

— Нам пора, — тихо сказала Ирина, и в её голосе прозвучала лёгкая, почти виноватая грусть. — Дети ждут.

— Пора, — кивнул Андрей.

Он помог ей надеть пальто, снова взял её тяжёлую сумку, и уже у самой двери, прежде чем толкнуть её навстречу ветру, на секунду задержался и посмотрел Ирине прямо в глаза:

— Ир… ты ведь до понедельника в Петербурге? Пообещай, что мы ещё увидимся до твоего отъезда. У меня осталась одна старая школьная фотография, я хочу тебе её отдать.

Ирина посмотрела на него и тихо кивнула:

— Позвони мне завтра, Андрюш. Обязательно позвони.

Глава 6. Неожиданная нить

Вечерний Петербург в снегопад преображается мгновенно: уличные фонари на Васильевском острове расплываются в мокрой пелене жёлтыми ореолами, шины машин мягко шуршат по свежему снегу, а свет в окнах первых этажей кажется особенно тёплым и домашним.

Андрей довёз Ирину до самой двери небольшой гостиницы на Шестой линии — той самой, где она забронировала номер на три дня, чтобы не стеснять дочь в тесном общежитии. По дороге они почти не говорили о прошлом, словно испугавшись собственной откровенности в кофейне: перебрасывались лёгкими фразами о петербургских мостах, о том, как разросся Краснодар, но в каждом случайном взгляде на светофоре жило странное, забытое за тридцать лет волнение.

Когда Андрей занёс её сумку в холл и попрощался до завтра, он ещё несколько минут сидел в машине с выключенным двигателем, глядя на белую порошу на лобовом стекле, и впервые за долгие годы ловил себя на том, что ему совершенно не хочется возвращаться в свою тихую, безупречно устроенную квартиру на Фонтанке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.